

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674
EDN: ZJLZUW

Научная статья / Research article

Авторитаризм и демократия как ключевое противоречие в подходах к изучению политического лидерства

И.Э. Стрелец

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
✉ sagitol@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции исследований политического лидерства в контексте теоретико-методологических споров относительно ключевых дихотомий: личность vs институт, авторитаризм vs демократия. В большинстве научных публикаций, особенно зарубежных авторов, данные понятия трактуются не столько содержательно, сколько идеологически, превращаясь в маркеры приверженности к консервативным или либеральным нарративам. «Демократический транзит» посредством «цветных революций» в условиях интенсивного информационного обмена усиливает разнонаправленные тенденции глобализации и глокализации, вводя в сферу публичной политики лидеров с сомнительной субъектностью, которые не оправдывают надежды ни зарубежных бенефициаров, ни местных элит, ни населения. Попытки выстроить политические институты, где решения принимают не лидеры, а элиты, в странах, не входящих в круг западных демократий, оказываются нежизнеспособны. Цель исследования — отделение идеологических клише от дефиниций, обратившись к проблематике авторитарной личности в контексте политического лидерства. Делается вывод о том, что основополагающим в изучении данной феноменологии является персонологический подход, подразумевающий рассмотрение набора личностных черт политика в процессе реализации им властных полномочий. Это делает возможным отход от некорректного оценивания лидера по модели «демократ vs автократ» в сторону разработки аналитико-ориентированного метода. Поскольку в настоящее время на Западе принято считать «демократией» политический строй в тех государствах, которые соответствуют категории *WEIRD* (по начальным буквам слов «*western*», «*educated*», «*industrialized*», «*rich*», «*democratic*» — «западных, образованных, индустриальных, богатых, демократических»), то форма правления в иных регионах может характеризоваться представителями «коллективного Запада» как автократия, независимо от системы выборов, регламента осуществления власти, ее смены и других факторов. Подобный взгляд является пережитком представлений «однополярного мира», демонстрируя ригидность и агональность, что противоречит концепции многополярности, которого придерживается Россия

© Стрелец И.Э., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и ее партнеры по разным объединениям, включая БРИКС. Данная статья вносит вклад в изучение многоаспектного феномена политического лидерства с точки зрения снятия ряда концептуальных и методологических противоречий.

Ключевые слова: политическое лидерство, политические институты, авторитаризм, демократия, лидер, персонологический подход

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стрелец И.Э. Авторитаризм и демократия как ключевое противоречие в подходах к изучению политического лидерства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 658–674. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674>

Authoritarianism vs Democracy as a Key Contradiction in Approaching the Study of Political Leadership

Ilya E. Strelets

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ sagitol@mail.ru

Abstract. This study examines current trends in political leadership research in the context of theoretical and methodological debates regarding the key dichotomies of personality vs institution, authoritarianism vs democracy. In most scientific publications, especially by foreign authors, these concepts are interpreted not so much substantively as ideologically, turning into markers of commitment to conservative or liberal narratives. ‘Democratic transit’ through ‘color revolutions’ in the context of intensive information exchange intensifies the multidirectional trends of globalization and glocalization, introducing into the sphere of public policy leaders with dubious subjectivity who do not justify the hopes of either foreign beneficiaries, or local elites, or the population. Attempts to build political institutions where decisions are made not by leaders, but by elites, in countries that are not part of the circle of Western democracies, prove unviable. The purpose of this article is to separate ideological clichés from definitions, turning to the aspects of an authoritarian personality in the context of political leadership. It is concluded that the personological approach is fundamental in the study of this phenomenology, which implies consideration of a set of personal traits of a politician in the process of implementing his/her powers. This makes it possible to move away from the incorrect assessment of a leader according to the model of *democrat vs autocrat* towards the development of an analytically oriented method. Since at present in the West it is customary to consider ‘democracy’ the political system in those states that correspond to the WEIRD category, then the form of government in other regions can be characterized by representatives of the West as autocracy, regardless of the election system, regulations for the exercise of power, its change and other factors. This view is a relic of the unipolar world concept, demonstrating rigidity and agonism, which contradicts the concept of multipolarity, which is adhered to by Russia and its partners in various associations, including BRICS. This article contributes to the study of the multidimensional phenomenon of political leadership in terms of removing conceptual and methodological contradictions.

Keywords: political leadership, political institutions, authoritarianism, democracy, leader, personology-centred approach

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Strelets, I.E. (2024). Authoritarianism vs democracy as a key contradiction in approaching the study of political leadership. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 658–674. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-658-674>

Введение

Анализ тематики ежегодных конференций Международного общества политических психологов (*ISPP*) за последние годы (2014 — *Ideologies and Ideological Conflict: The Political Psychology of Belief Systems*; 2017 — *Revisiting Core Themes of Tyranny, Intergroup Relations and Leadership*; 2022 — *Democracy as an Achievement: Recognizing Tensions, Challenges, and Aspirations through Political Psychology*; 2024 — *Dismantling Democracy: Insecurity, emotions and authoritarian populism*) свидетельствует, что одним из дискуссионных вопросов регулярно оказывается соотношение «демократия vs авторитаризм», который в свете роста рейтинга популистов в разных странах рассматривается зачастую в противоборстве институциональных либо личностных аспектов политического лидерства.

Возрождение интереса к персонологии лидерства проявляется на фоне обострения методологических противоречий в политико-психологических исследованиях разных научных школ, которое осложняется несостоятельностью института лидерства в условиях глобальных вызовов первой четверти XXI в.

Рамки исследования

В ходе данной работы рассматриваются актуальные вопросы исследования политического лидерства при учете соотношения личностных и институциональных факторов. Анализируется феноменология демократии и авторитаризма, детерминирующая существенные характеристики лидерства. Хронологические рамки исследования ограничены первой четвертью XXI в. Теоретическим базисом служат политико-психологический и структурно-функциональный подход, позволяющие оптимизировать поиск корреляции между типом политического лидерства и институциональными особенностями государства, между проявлениями авторитаризма vs демократии в стиле лидерства и характере политических режимов.

Результаты и обсуждение

Как отмечает проф. МГУ имени М.В. Ломоносова Е.Б. Шестопал, понятия авторитаризма и демократии в настоящее время представляются размытыми не только в обыденном сознании, но и в научном дискурсе [Шестопал 2023]. Их трактовки зависят от идеологических предпочтений экспертов, места их профессиональной деятельности, партийных пристрастий, источников финансирования грантовых проектов.

В свою очередь, Анна Алерс и Рудольф Штихве из ФРГ, проведя комплексный анализ авторитарных и демократических форм правления, констатируют, что демократическое государство может иметь некоторые авторитарные черты так же, как авторитарное государство — некоторые элементы демократии. Ключевым маркером в трансформационных процессах от демократии к авторитаризму при обострении социально-политических противоречий и возникновении управленческих трудностей у избранного лидера нередко выступает его несостоятельность, помноженная на предвыборную популистскую риторику, когда он и его сторонники претендовали на репрезентацию «воли народа». Артикуляция ее понимания в их версии может капитализироваться в виде неожиданного успеха на выборах, по крайней мере, однократно. Невыполнение предвыборных обещаний приводит к разочарованию населения. Чтобы удержаться у власти, популисту на новых выборах приходится идти на ухищрения, вплоть до фальсификаций. Тем самым происходит метаморфоза: популизм, актуализовавшийся в условиях демократии для защиты интересов народа, незаметно вытесняет демократический режим авторитарными проявлениями [Ahlers & Stichweh 2017].

Вслед за экспертами МГИМО следует отметить, что принцип «вышибания клина клином» нередко реализуется в политической сфере: популизм одних, некогда принесший инициаторам власть и деньги, может быть повержен популизмом других. Доказательством данного тезиса является поднимающаяся волна праворадикализма в странах Европы [Правый популизм... 2020].

Демократы и автократы: ангажированность трактовок

Говоря о тактике политиков-демократов, Аманда Махен из Норвегии разделяет их на три типа: скептики, рационалисты, радикалы. Первые наводят панику, утверждая, что демократия обречена. Вторые проявляют поверхностность, критикуя нынешнюю демократию за недостаточность масштабирования. Третьи убеждены в том, что лишь через формирование и оспаривание альтернатив демократия оживет и утвердится. К такому делению исследовательница решила прибегнуть, обсуждая провокационную «зеленую» повестку, которую последовательно отстаивает. Она призывает своих коллег постоянно удерживать в сознании мысль о том, что разговоры о климатических изменениях могут стать действенным инструментом для экспорта демократии [Machin 2022]. Парадоксально, что «демократ», активно навязывающий свою повестку другим, продолжает причислять себя к демократам. И в этом она не одинока.

Так, исследователи из США Дейзи Дел Реал и Сесилия Менхивар подменяют детальный анализ социально-экономического и геополитического положения стран с «автократической» (с их точки зрения) формой правления — перечислением недостатков их лидеров, что характерно для многих американских авторов. Местами Д. Дел Реал и С. Менхивар даже решаются на критику властей Соединенных Штатов за готовность идти на сделку с «лидерами-автократами»

ради сиюминутной прагматики. Причем эти авторы нисколько не сомневаются в том, что американская демократия является графариной, универсальной, всеобщей и по-другому считать нельзя.

В частности, это видно из оговорки о том, что неформальные низовые движения в Бразилии и США поддерживают *честолюбивых автократов* (президентов Болсонару и Трампа. — *Курсив наш*), выводя их в основное русло политики и поддерживая на выборах. Такие объединения сторонников помогают своим выдвиженцам сохранять ореол законного демократического правителя, действующего в интересах избирателей, даже когда подобные лидеры «ограничивают гражданские свободы и коррумпируют демократические институты» [Del Real, Menjivar 2024: 9]. Следовательно, Д. Дел Реал и С. Менхивар ставят на Д. Трампе клеймо автократа, обозначая собственные политические предпочтения и экспертную позицию: реальная демократия в мире может определяться только президентами, избранными от демпартии США.

В свою очередь, Патрик Зигенхайн и Халиунаа Энхтайван из Индонезии в качестве основных критериев оценки демократического строя называют четыре: соблюдение процедуры свободных, честных, конкурентоспособных выборов ('free, fair, and competitive elections'/'vertical accountability'); обеспечение политических прав граждан ('political rights'); гарантирование гражданских свобод ('civil liberties'); реализация принципа сдержек и противовесов системы трех ветвей власти ('horizontal accountability') [Ziegenhain, Enkhtaivan 2024].

Анализируя нынешнюю египетскую форму правления и давая оценку восьмилетнему президентству Фатах Аль-Сиси, «свергнутого демократически избранного Мухаммеда Мурси в результате военного переворота», П. Зигенхайн и Х. Энхтайван пришли к выводу: сегодня проявления демократии в Египте «настолько малочисленны, что утвердившийся политический режим можно отнести только к авторитарному».

При этом индонезийские авторы проигнорировали краткосрочный, но во многом показательный период нахождения у власти М. Мурси, включая его «демократичное» решение в ноябре 2012 г. расширить собственные полномочия до такой степени, что судебные власти потеряли бы возможность оспаривать любые его постановления. Как отмечают Шахад Фазаа и Нассер Зейн Эль Абедин из Ирака, несмотря на то что М. Мурси вскоре отозвал свою инициативу, по всему Египту поднялась волна протестов, и у оппозиционных сил появились законные основания для требований о смене власти [Fazaa, Zane El Abidine 2022].

Хотя за свергнутым президентом М. Мурси стояла известная религиозно-политическая организация, признанная в России террористической, многие исследователи «демократического» толка, включая индонезийских авторов П. Зигенхайна и Х. Энхтайван, не осмелились назвать М. Мурси, например, «автократом», видимо, чтобы не допустить «уклон от генеральной линии» американской демпартии.

Характеристики демократической личности

Анализ понятия «демократической личности» в отличие от авторитарной встречается в единичных публикациях. Это связано с тем, что демократия — феномен сложный и многомерный.

Еще в 1985 г., изучив различные политико-психологические подходы, Георг Линд, Джоанн-Ульрих Сандбергер и Тино Баргель из ФРГ попытались создать интегративную модель демократической личности, опираясь на теорию когнитивного развития, предложенную швейцарским психологом Жаном Пиаже, а также на психоаналитический и деятельностно-отношенческий подходы.

Они выдвинули четыре гипотезы, в каждой из которых в процессе принятия решений индивидом верифицировались соотношения следующих характеристик «демократической» личности: «когнитивных и морально-нравственных установок» (*Variation in the Cognitive Aspect of Moral Judgment*), «когнитивных и аффективных аспектов» (*Cognitive and Affective Aspects of Moral Judgment*), «морально-нравственной зрелости и силы эго» (*Moral Competence and Ego Strength*), «морально-нравственных ориентиров и демократических ценностей» (*Moral Judgment and Democratic Orientation*).

Однако проверка указанных гипотез показала, что процесс принятия решения ситуативен и обусловлен множеством контекстуальных факторов [Lind, Sandberger, Bargel 1985].

В 2002 г. Кшиштоф Мудин из Польши предложил авторскую структуру демократической личности. Однако его рассуждения свелись к тому, что «демократическая» личность отличается от «антидемократической» несущественно. У них идентичный стиль принятия решений и проявляемые особенности управления подчиненными, поскольку привилегированное положение индивида, как правило, стирает различия, экстраполируя его психологические проблемы на стиль руководства [Mudyń 2002].

Если обобщить мнения современных экспертов [Гаман-Голутвина, Сморгунов, Тимофеева 2021; Шестопап 2023 и др.], то среди основных характеристик демократической личности можно выделить гибкость мышления, терпимость к инакомыслию и готовность к компромиссу ради общественного согласия; внутренний локус контроля, владение стратегиями преодоления тревожности и стремление к самоактуализации; неконвенциональность поведенческих моделей из-за критичного восприятия устоявшихся норм; свобода от желания доминировать и уклонение от конкуренции за власть; убеждение в равенстве всех перед законом и рациональность выбора идеологических позиций.

Авторитарный режим и авторитарная личность

Как известно, авторитарному политическому режиму свойственно лишение населения всей полноты гражданских прав и подавление индивидуальной свободы, централизованный командный метод администрирования и узурпация управления в государстве одним лицом или исполнительным органом,

декоративная роль представительной и судебной власти при неразвитости институтов гражданского общества.

Авторитарный режим потенцирует формирование авторитарной личности, среди ключевых характеристик которой отмечаются воинственный консерватизм и этноцентризм как политические ценности; стереотипность и одномерность восприятия; косность мышления; нетерпимость к плюрализму мнений и т. д.

По нашему мнению, перечисленные черты демонстрируют несостоятельность концепции «экспорта демократии» и «демократического транзита» посредством институциональных реформ или переворотов. Для реальных преобразований требуется длительный процесс политической ресоциализации общества.

Американский психолог Боб (Роберт) Альтмейер, в последней публикации в соавторстве с Джоном Дином назвавший Дональда Трампа «кошмаром для демократии» [Dean, Altemeyer 2021], разработал шкалы правого и левого авторитаризма, а также соответствующий тест, используя из девяти личностных черт, выявленных группой немецких ученых во главе с Теодором Адорно, только три: авторитарное подчинение, авторитарную агрессию и конвенционализм.

Между тем Б. Альтмейер сфокусировал внимание на правом авторитаризме. По его мнению, психологическую концептуализацию данного понятия следует рассматривать как готовность индивида подчиняться властям, которые он воспринимает непосредственно — в устоявшейся системе управления. Так, правый авторитаризм может возникнуть в условиях любой политической системы (репрессивный апартеид в ЮАР, коммунистическая система в КНР или двухпартийная система в США), являясь продуктом социального научения, сочетания личностных предрасположенностей и жизненных событий. Если власть выбирает «козла отпущения» (группу или политика), на которого возлагает ответственность за проблемы страны, то избиратель, которому присущ высокий уровень правого авторитаризма, склонен это поддержать, не выражая сомнений. Любая идея, исходящая от авторитетной фигуры, принимается им как правильная, даже если она находится в прямом противоречии с другими идеями, которые рационально аргументируются оппонентами [Altemeyer 1981].

Лидеры-апологеты правого авторитаризма, — развивал свою мысль Б. Альтмейер, — считают политический мир враждебным. Его неприятие, выражающееся в агрессии, объясняется страхом. Поэтому они интеллектуально уязвимы, некритично относятся к демагогическим утверждениям, гиперболизированным, излишне эмоциональным и, как следствие, потенциально опасным для института власти. Авторитарные лидеры настойчивы в поиске доказательств для опровержения идей, которые им не близки, но несколько не сомневаются в истинности того, что уже принято ими. Они особенно восприимчивы к фундаментальной «ошибке атрибуции», когда причины поведения других людей приписывают их характеру, а свое собственное поведение — оправдывают влиянием внешних сил, — заключал американский психолог [Altemeyer 1996].

Фактор WEIRD vs non-WEIRD

В рамках обсуждения дихотомии «демократия — авторитаризм» в контексте политического лидерства уместно не только выявить понятийную неоднозначность и возможную ангажированность авторов. Важно осознавать невозможность однозначного и универсального подхода к определению оптимального государственного устройства и роли высшего руководителя в нем — с учетом различий в менталитете и уровне социально-экономического развития современных стран.

В пользу данного вывода свидетельствует концепция, сформулированная антропологом из Канады Джозефом Хенриком в ходе научных дискуссий, посвященных глобальным вызовам и поиску ответов на них. Он предложил разделять страны и выходцев из них на две группы: *WEIRD* и *non-WEIRD*, введя в экспертный оборот аббревиатуру по начальным буквам слов-характеристик: «*western, educated, industrialized, rich, democratic*» — «западные, образованные, индустриальные, богатые, демократические». Свою точку зрения на эволюцию Западной цивилизации он обобщил в сравнительно недавней работе «Самые странные люди в мире: за счет чего Запад стал психологически устойчивым и особенно успешным» (*пер. наш*). Остановимся подробнее на нескольких тезисах.

По мнению Д. Хенрика, к «странным людям» относятся те, кто родился и прошел социализацию в государствах, обладающих пятью указанными качествами, и выделяются в «особую категорию человечества» (жители стран Запада — носители Западной цивилизации). Среди детерминирующих установок «странных людей» канадский автор называет индивидуализм как базовую ценность и жизненное кредо, что заставляет их видеть себя уникальными существами, а не элементами социальной структуры — «пешками в игре политиков». Им характерна фокусировка внимания на себе (своих качествах, достижениях, устремлениях), а не на предполагаемых социальных ролях или межличностных отношениях. В приоритете у представителей стран *WEIRD* — собственный выбор целей и личная свобода. У них прагматично ориентированный аналитический склад ума, склонность к контролю, нонконформизму — основополагающие для жизнедеятельности и, как следствие, отход от семейных ценностей и родственных связей, обременяющих сознание и бытие.

Нынешняя структура общества Запада и «странные люди» — продукт средневековых религиозных убеждений, последующих изменений брачных практик, родственных связей, за счет чего за длительный период сформировалось западное мышление и были заложены этические основы этой части мира. Причем первым институтом, положившим начало формированию мира *WEIRD*, оказалась католическая церковь, которая усиливала свое влияние за счет завоеваний, овладевала большей частью Западной Европы, упраздняла прежние структуры родства, на которых ранее зиждился мир, чтобы объединить всех в свой единый мир — религиозный. Успех церковно-католической экспансии, — продолжает рассуждения антрополог из Канады, — воодушевил и другие институты, которые могли расти на «обезличенной» основе, а именно:

города-государства, университеты, монастыри, гильдии и др. Затем эффект усилился за счет следующих наднациональных объединителей Западного мира — транснациональных корпораций.

Выборка для большинства социально-политических исследований, по результатам которых выстраиваются глобальные стратегии демократических преобразований и общественного развития, формируется из индивидов или их групп, проживающих в США, Великобритании и иногда Австралии, Германии, Нидерландов. Это подвергает сомнению саму возможность транслировать на страны *non-WEIRD* рекомендации по демократизации, поскольку, даже несмотря на высокий уровень жизни в них и объемы потребления, они не способны пока воспринять и следовать философии равенства, индивидуализма, рынка, общепринятых правил и универсальной морали стран Запада. Поэтому попытки насильственного навязывания западных стандартов в тех частях мира, которые хотя и ориентируются на блага Западной цивилизации, но не принимают ее философию и не входят в круг стран *WEIRD*, представляются Д. Хенрику некорректными, как и выстраивание глобальных стратегий демократических преобразований и общественного развития для стран *non-WEIRD* [Henrich 2020].

Концепция канадского антрополога вызвала широкую научную дискуссию. В частности, ее весьма настороженно трактует в своем обзоре американский коммуникативист Томас Фаррелл [Farrell 2023]. Вместе с тем психологи Гильерме Санчес де Оливейра из ФРГ и Эдвард Баггз из Дании констатируют, что результаты психологического тестирования представителей из разных стран *WEIRD* идентичны, но резко отличаются от результатов, полученных при тестировании остальных людей из большей части мира *non-WEIRD* [Sanches de Oliveira G. & Baggs E. 2023].

Таким образом, фактор цивилизационных различий стран *WEIRD* и *non-WEIRD* подтверждает бесперспективность трафаретных подходов к рассмотрению дихотомий «лидер vs институт» и «авторитаризм vs демократия» на нынешнем этапе, не предложив предварительно ответы на вопросы о том, что представляет собой модель демократии и универсальная концепция политического лидерства, эффективные для всех государств.

Лидер между авторитаризмом и демократией

Если экстраполировать концепцию *WEIRD vs non-WEIRD* на проблематику лидерства, то гипотетически можно согласиться с трюизмом: «каков избиратель, таков и лидер».

На экспертном уровне данную тему попытался раскрыть Ежи Вятр из Польши в недавней монографии «Политическое лидерство между демократией и авторитаризмом: сравнительные и исторические перспективы» (2022). Выделим отмеченные им тенденции.

Согласно Е. Вятру, теория лидерства является областью знаний, где сталкиваются категории демократии и авторитаризма: трактовки перестали обозначать

только форму правления, режим или стиль руководства, приобретая несвойственный прежде масштаб.

В контексте либерального политического дискурса «демократия» превратилась в норматив политической реальности, эталон качества главы государства или правительства, критерий для включения той или иной страны в «цивилизованный мир», с которым конкурирует антагонист, обозначаемый концептом «авторитаризм».

С точки зрения доминирующей на Западе парадигмы (стандарты стран *WEIRD*), лидерство — это наследие архаичных авторитарных политических систем, ненужных и опасных. В свою очередь, базовым достижением цивилизации являются демократические институты власти, опирающиеся не на лидеров, а на приверженцев демократии, которые представляют гражданское общество в системе негосударственных и неправительственных структур. Именно политические институты призваны обеспечивать преемственность власти и устойчивость функционирования государственного аппарата, — констатирует польский ученый [Wiatr 2022].

В какой степени обозначенные Е. Вятром тенденции эффективно реализовались в «благополучных цивилизованных странах» — «эталонах развитой демократии», позволяют разобраться публикации корифея институциональной американской политологии, соучредителя «Международной ассоциации лидерства» (*ILA*) Барбары Келлерман.

Кризис института лидерства в странах Запада

В марте 2024 г. Б. Келлерман выпустила книгу «Лидерство: от плохого к худшему, или Что происходит, когда состояние из проблемного превращается в кризисное» (*Пер. наш*), в которой автор выявляет деструктивные тенденции во взаимодействии личности лидера и политических институтов.

В частности, рассмотрев несколько кейсов из области бизнеса и политики, Б. Келлерман прослеживает четыре динамических этапа, через которые может проходить лидерство в негативных своих проявлениях:

- 1) выдвижение лидера и его восхождение;
- 2) обретение последователей, присоединяющихся к нему;
- 3) начало его функционирования на высшей позиции;
- 4) деградация в процессе реализации полномочий лидера, когда ситуация вокруг усугубляется [Kellerman 2024].

С этим трудно спорить. В качестве иллюстрации к гипотезе американского автора можно привести фактический провал системы рекрутинга на пост лидера консервативной партии, невиданный прежде в политической истории Великобритании. Это выразилось в череде не слишком успешных премьер-министров, выдвинутых от партии тори: Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б. Джонсона, Л. Трасс, Р. Сунака, последовательно терявших власть после сравнительно недолгого правления. Обозначенная тенденция указывает на кризис государственного управления на Западе, где политические институты не в состоянии

предотвратить приход к власти политиков, неспособных на эффективные действия в критических условиях, и реализацию курса, намеченного правящими элитами, в интересах большинства избирателей.

Можно заметить, что в отстаивании данной позиции американский эксперт проявляет последовательность. Так, еще в 2016 г., когда экономические и политические противоречия еще не приобретали размах глобальных кризисов, Б. Келлерман выпустила своеобразный манифест, опубликовав статью под заголовком: «Лидерство — это система, а не личность!»

В ней она фактически декларировала, что лидерство яркого самостоятельного политика чревато формированием культа личности и отклонением от истинной демократии. Б. Келлерман отмечала, что в ведущих западных странах развернулась сеть образовательных центров для будущих политиков, где на тренингах и курсах «делают лидеров» из всех желающих, обещая обретение богатства и влияния без всякого тестирования «на одаренность» и какой-либо перегрузки научными знаниями. Тьюторы и менторы придерживаются «деперсонифицированного» подхода, в рамках которого лидирование — это одна из компетенций или управленческих технологий, чем может овладеть любой, даже не имея харизмы, за один семестр или пару недель «глубокого погружения» [Kellerman 2016].

Развитие указанного тезиса Б. Келлерман в последующем разделении деструктивного лидерства на фазы в 2024 г. представляется умозрительным, выявляя определенное смещение логико-понятийных связей. Очевидно, что лидерство по модели «от плохого к худшему» может реализовываться только в случае продвижения политическими институтами тех, кто не обладает опытом созидательной, вдумчивой, неспешной, порой рутинной работы в масштабах отрасли, региона, партийного строительства — без популистских обещаний. Очевидно, проблема кроется не в лидерстве, а в политических институтах, которые «занижают планку» и не способны предотвратить приход во власть откровенно слабых, несамостоятельных функционеров, которые зачастую оказываются либо разрушителями, либо прокрастинаторами.

Возможно, поэтому Б. Келлерман характеризует типичное лидерство в западных странах как «плохое» (*bad*), указывает на его «гниение» (*it festers*) и предписывает демократическим институтам научиться обеспечивать «профилактику деструктивного лидерства, его раннюю диагностику и лечение», при этом не используя авторитарный инструментарий и технологии. Хотя в ее книге нет рецептов, как достичь этой сверхзадачи на практике.

«Глядя из Москвы...», или Подходы отечественных экспертов

В поисках ответов на поставленные вопросы целесообразно обратиться к работам отечественных авторов.

С одной стороны, из недавних публикаций интерес представляет монография российских ученых под редакцией профессора МГИМО Л.С. Окуновой «Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического

лидерства в странах Запада» (в США, Соединенном Королевстве, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Румынии, Албании и Бразилии).

В этом коллективном труде делаются два важных вывода. Во-первых, период пандемии (2020–2021 гг.), выявивший кризис лидерства, а также самоуверенное поведение западных бюрократов в ходе локальных конфликтов актуализировали запрос электората на замену безликих *политиков-менеджеров*, способных решать лишь рутинные проблемы управления, *лидерами-реформаторами*, призванными с учетом сложившихся геополитических особенностей собирать команду («кризисный штаб»), консолидировать страну для преодоления кризисов на региональном и глобальном уровне. Во-вторых, доминирующая парадигма в методологии исследований, связанная с институциональным анализом политики, после пандемии демонстрирует кризис, выход из которого ведущие эксперты видят в учете «человеческого измерения» политики [Лидер на фоне эпохи... 2022]. Если вспомнить события вокруг Украины с 2022 г., в Секторе Газа с 2023 г., в акватории Красного моря с 2024 г., то подобные выводы сложно опровергнуть.

С другой стороны, не меньший интерес представляют исследования российской специфики, где отмечается неоднозначное сочетание авторитарных и демократических характеристик, выявляемых в регулярных опросах электората, с 1991 г. проводимых коллективом политологов МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопал.

В результатах исследований постоянно фиксируется размытость, несвязность и противоречивость политических взглядов избирателей: единодушное одобрение централизации, «вертикальности» власти, ее жесткости и силы — при выражении твердого желания, чтобы власть учитывала интересы населения, поощряла общественные инициативы «снизу», опиралась на конкурирующие элиты [Шестопал 2021].

Кроме того, россияне верят в необходимость демократии и одновременно хотят «сильной руки», подчеркивая, что «человеческое измерение» в оценке политики и лидеров важнее качеств «эффективного менеджера» [Шестопал, Рогач 2020].

Если от рассмотрения электоральных предпочтений переключиться на анализ российского лидерства, то внимания заслуживает мнение отечественных исследователей, которое обобщено в работе политолога из Санкт-Петербурга Ю.С. Медведева. Он считает, что современное российское президентство можно отнести к категории «конкурентного авторитаризма», при котором стоящий у власти руководитель признает силу оппозиции и считается с ее существованием. Между тем высказывается опасение, что «нынешний российский режим, еще недавно в полной мере соответствовавший модели конкурентного авторитаризма, после внесения в 2020 г. поправок в Конституцию балансирует на грани авторитаризма гегемонистского» [Медведев 2021].

Отчасти эту точку зрения репрезентируют результаты эмпирических исследований, выполняемых с 2019 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН под руководством И.Л. Недяк, известного российского политолога-институционалиста,

исследующей концепции господства на российском материале, в которых власть и политика современных демократий измеряются на шкале «господство — *empowerment*» [Недяк 2022].

Не открывая научную дискуссию относительно «типологии авторитаризма в России» и продуктивности «дискурса господства» в связи с конституционными поправками, а также самой уместности рассуждений о российском президентстве с использованием подобного понятийно-категориального аппарата, можем, со своей стороны, отметить, что анализ президентского лидерства в России требует использования специальной политико-психологической оптики, без которой мнения отечественных и зарубежных экспертов могут быть поставлены в ряд ангажированных оценок отдельных политологов.

Ни для кого не секрет, что сейчас в странах Запада национальную и международную политику проводят институты, подконтрольные транснациональным корпорациям и так называемой «глубинной власти» (*Deep State*). При этом в условиях, когда большинство стран утрачивает национальную субъектность, харизматическое лидерство считается атавизмом «додемократических» обществ, уделом автократических режимов.

Между тем на фоне неэффективности «демократических институтов» и несостоятельности управленцев во главе стран кристаллизуется запрос на харизматичных лидеров. Причем опросы избирателей показывают, что в социуме проявляется безразличие к идеологическим или партийным ярлыкам, устойчивость к медийным манипуляциям, поскольку интерес вызывают те политики, кто демонстрирует (или хотя бы декларирует) готовность и способность отстаивать национальные интересы страны, брать ответственность на себя и отвечать на вызовы времени.

Выводы и заключение

Причины противоречий методологического и концептуального характера в изучении политического лидерства могут быть обусловлены двумя факторами. С одной стороны, теоретизирование на эту тему зачастую исходит из идеальных представлений о «правителях-демократах» и «правителях-автократах». Абстрагирование от реального положения дел приводит к искажению изначальной перспективы исследования, замутнению концептуальной оптики. С другой стороны, умозрительные формулы не способны преодолеть инерцию идеологических догм, и все наблюдения, предположения и выводы делаются под влиянием субъективных тенденций.

Рассмотрение проблематики политического лидерства через противопоставление «авторитаризма vs демократии» представляется архаичной, поскольку не отражает все многообразие государственных укладов, национальных традиций и менталитета, социально-экономического развития и политико-ситуационного контекста современных стран.

Не менее контрпродуктивным оказывается и использование модели «лидер vs институт». Причем не только из-за различий политических устоев в странах

WEIRD и *non-WEIRD* вообще и эффективности/неэффективности института лидерства внутри самих западных стран в частности (примером чему служит кадровый голод в связи с выдвижением на пост президента в США или премьер-министра в Великобритании).

Как отмечал автор политико-психологических портретов президентов США Фред Гринстайн, значимость личных характеристик лидера повышается в прямой зависимости от того, насколько усиливается восприимчивость среды к тому, что может предложить ей политик, насколько выше его позиция в политической системе и насколько ярка его харизма [Greenstein 2009].

По мнению Е.Б. Шестопаля, сегодня обнаруживается беспрецедентная актуальность перечисленных Ф. Гринстайном факторов: предельное нагнетание международной обстановки, всеобъемлющая неопределенность в мире; наличие полярных моделей публичной политики; некомпетентность и неэффективность транзакционных политиков-менеджеров в условиях глобальных кризисов; дефицит харизматичных лидеров и запрос избирателей на политиков трансформационного типа [Шестопаля 2023].

В свете сказанного плодотворным способом преодоления выявленных противоречий, может оказаться персонологический подход к исследованию лидерства [Стрелец 2013; Стрелец 2019]. По нашему мнению, он позволяет выявлять наличие/отсутствие среди личностных качеств политика таких характеристик, которые необходимы в ситуациях, когда от его политических решений зависит судьба страны и международная безопасность.

Важно не только проследить функционирование статических аспектов личности президента или премьер-министра в политическом контексте, но и рассматривать формирование динамических аспектов, опираясь на классические модели социализации. Как известно, демократические или авторитарные лидеры могут воспитываться и действовать в условиях автократических или либеральных режимов. Однако об эффективности их деятельности на высшем посту можно судить, лишь рассматривая комбинацию институциональных, политических, личностных и психологических факторов.

Очевидно, на политических институтах разных стран лежит ответственность за недопущение прихода к власти лидеров с деструктивным потенциалом, а задача политических психологов состоит в том, чтобы предложить экспертный инструментарий, обеспечивающий рекрутинг политиков, способствующих всестороннему развитию своих стран, сплочению национальных элит, защите суверенитета от внешнего воздействия (*Soft Power/Smart Power*) и установлению международной повестки взаимовыгодного сотрудничества в условиях многополярного мира.

Поступила в редакцию / Received: 03.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2024

Библиографический список

- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н.* Конституционные изменения, власть и политика // *Власть*. 2021. Т. 29. № 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8201>
- Лидер на фоне эпохи: традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Л.С. Окунева, В.О. Печатнов, Н.К. Капитонова [и др.]; под ред. Л.С. Окуневой. Москва : МГИМО-Университет, 2022.
- Медведев Ю.С.* Концепция конкурентного авторитаризма и ее критика в научной литературе // *Полития*. 2021. № 1 (100). С. 154–169. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-154-169>
- Недяк И.Л.* Господство в современных демократиях: подходы к концептуализации, изменению, ограничению // *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. 2022. № 2. С. 32–48. <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.2.3248>
- Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности / Н.К. Капитонова, И.Э. Магадеев, В.О. Печатнов [и др.]; под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. Москва : МГИМО-Университет, 2020.
- Стрелец И.Э.* В.В. Путин и Д.А. Медведев: политико-психологический анализ предвыборной рокировки и перспектив властного тандема // *Вест. Томск. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 3 (23). С. 137–142.
- Стрелец И.Э.* Ельцин и Путин: президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. № 2. С. 180–210. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>
- Шестопал Е.Б.* Парадоксы политического лидерства // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // *Вест. Томск. ун-та*. 2021. № 464. С. 99–112. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н.* Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12>
- Ahlers A., Stichweh R.* The Bipolarity of Democracy and Authoritarianism: Value Patterns, Inclusion Roles and Forms of Internal Differentiation of Political Systems. Forum Internationale Wissenschaft Working Paper No. 09. Bonne : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn Press, 2017.
- Altemeyer B.* The Authoritarian Specter. Harvard : Harvard University Press, 1996.
- Altemeyer B.* Right-Wing Authoritarianism. Manitoba : University of Manitoba Press, 1981.
- Dean J., Altemeyer B.* Authoritarian Nightmare: The Ongoing Threat of Trump's Followers. Brooklyn, NY, London, UK: Melville House, 2021.
- Del Real D., Menjivar C.* The Tools of Autocracy Worldwide: Authoritarian Networks, the Façade of Democracy, and Neo-Repression // *American Behavioral Scientist*. 2024. Vol. 68, no. 12. P. 1–19. <https://doi.org/10.1177/00027642241267926>
- Farrell T.* Review of [Joseph Henrich, *The WEIRD People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous* (Farrar, Straus and Giroux, 2020)] // *New Explorations*. 2023. Vol. 3, no. 2. P. 1–16.
- Fazaa S.S., Zane El Abidine N.Z.E.A.* The problem of the transfer of power in Egypt during the rule of Muhammad Morsi (2012–2013) // *Tikrit Journal For Political Science*. 2022. Vol. 4, no. 30. P. 3–30. <https://doi.org/10.25130/tjfps.v4i30.85>
- Greenstein F.I.* The Presidential Difference: Leadership Style from FDR to George W. Bush. Princeton : Princeton University Press, 2009.
- Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazainova D.B.* Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>

- Henrich J. *The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. Danvers, MA: Farrar, Straus and Giroux (FSG), 2020.
- Kellerman B. Leadership — It's a System, not a Person! // *Daedalus*. 2016. Vol. 145, no. 3. P. 83–94. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00399
- Kellerman B. *Leadership from Bad to Worse: What Happens When Bad Festers*. Oxford : Oxford University Press, 2024.
- Lind G., Sandberger J.-U., Bargel T. Moral Competence and Democratic Personality // *Moral development and the social environment* / ed. by G. Lind, H.A. Hartmann, R. Wakenhut. Chicago : Precedent Publisher, 1985. P. 55–78.
- Machin A. *Climates of Democracy: Skeptical, Rational, and Radical Imaginaries* // *WIREs Climate Change*. 2022. Vol. 13, no. 4. <https://doi.org/10.1002/wcc.774>
- Mudyń K. W Poszukiwaniu Demokratycznej Struktury Osobowości // *Kultura I Edukacja*. 2002. № 1. P. 40–51.
- Sanches de Oliveira G., Baggs E. *Psychology's WEIRD Problems*. Cambridge : Cambridge University Press; 2023.
- Wiatr J.J. *Political Leadership Between Democracy and Authoritarianism: Comparative and Historical Perspectives* (1st ed.). Leverkusen : Verlag Barbara Budrich, 2022. <https://doi.org/10.2307/j.ctv27tctmb>
- Ziegenhain P., Enkhtaivan Kh. *Democracy and Authoritarianism in Egypt Today* // *Islamic World and Politics*. 2024. Vol. 8, no. 1. P. 75–84. <https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i1.99>

References

- Ahlers, A., & Stichweh, R. (2017). The bipolarity of democracy and authoritarianism: Value patterns, inclusion roles and forms of internal differentiation of political systems. *Forum Internationale Wissenschaft*. Working Paper No 09. Bonne.
- Altemeyer, B. (1996). *The Authoritarian Specter*. Harvard: Harvard University Press.
- Altemeyer, B. (1981). *Right-Wing Authoritarianism*. Manitoba: University of Manitoba Press.
- Dean, J., & Altemeyer, B. (2021). *Authoritarian nightmare: The ongoing threat of Trump's followers*. Brooklyn, NY, London, UK: Melville House.
- Del Real, D., & Menjívar, C. (2024). The tools of autocracy worldwide: Authoritarian networks, the façade of democracy, and neo-repression. *American Behavioral Scientist*, 68(12), 1–19. <https://doi.org/10.1177/00027642241267926>
- Farrell, T. (2023). Review of [Joseph Henrich, *The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous* (Farrar, Straus and Giroux, 2020)]. *New Explorations*, 3(2), 1–16.
- Fazaa, S.S., & Zane, El, Abidine, N.Z.E.A. (2022). The problem of the transfer of power in Egypt during the rule of Muhammad Morsi (2012–2013). *Tikrit Journal for Political Science*, 4(30), 3–30.
- Gaman-Golutvina, O.V., Smorgunov, L.V., & Timofeeva, L.N. (2021). Constitutional changes, power and politics. *Vlast' (The Authority)*, 29(3), 305–311. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8201>
- Greenstein, F.I. (2009). *The presidential difference: Leadership style from FDR to George W. Bush*. Princeton: Princeton University Press.
- Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A., & Kazarinova, D.B. (2023). Ideas, Ideologies and Public Consent: Introducing the Issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>
- Henrich, J. (2020). *The WEIRDest People in the world: How the west became psychologically peculiar and particularly prosperous*. Danvers, MA: Farrar, Straus and Giroux (FSG).
- Kellerman, B. (2016). Leadership — it's a system, not a person! *Daedalus*, 145(3), 83–94.
- Kellerman, B. (2024). *Leadership from bad to worse: What happens when bad festers*. Oxford: Oxford University Press.

- Lind, G., Sandberger, J.-U., & Bargel, T. (1985). Moral competence and democratic personality. In G. Lind, H.A. Hartmann & R. Wakenhut (Eds.), *Moral Development and the Social Environment* (pp. 55–78). Chicago: Precedent Publisher.
- Machin, A. (2022). Climates of democracy: Skeptical, rational, and radical imaginaries. *WIREs Climate Change*, 13(4), e774.
- Medvedev, Ju.S. (2021). The concept of competitive authoritarianism and its criticism in scientific literature. *Politeia*, 1, 154–169. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-154-169>
- Mudyń, K.W. (2002). Poszukiwaniu demokratycznej struktury osobowości. *Kultura I Edukacja*, 1, 40–51. (In Polish).
- Nedyak, I.L. (2022). Domination in modern democracies: Approaches to the conceptualization, measurement, restriction. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2, 32–48. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2218-5518.2022.2.3248>
- Okuneva, L.S. (Ed.). (2022). *A leader against the backdrop of the era: Traditions and innovations of modern political leadership in western countries*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Okuneva, L.S., & Tevdoy-Burmuli, A.I., (Eds.). (2020). *Right-wing populism: Global trend and regional features*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Sanches de Oliveira, G., & Baggs, E. (2023). *Psychology's WEIRD problems*. Cambridge: Cambridge University Press/.
- Shestopal, E.B. (2021). The image of the ideal future: Normative ideas of Russian citizens about power. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 464, 99–112. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Shestopal, E.B. (2023). Paradoxes of political leadership. *Polis. Political studies*, 3, 181–191. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Shestopal, E.B., & Rogach, N.N. (2020). Ideal representations as a factor in the perception of a real political leader. *Polis. Political studies*, 4, 166–181. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.12>
- Strelets, I.E. Yeltsin and Putin: Presidential Leadership in the Context of Russia's Political Transformation. *Current problems of Europe*, 2, 180–210. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.09>
- Strelets, I.E. (2013). V.V. Putin and D.A. Medvedev: Political-psychological analysis of the pre-election casting and the prospects of the power tandem. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 3(23), 137–142. (In Russian).
- Wiatr, J.J. (2022). *Political leadership between democracy and authoritarianism: Comparative and historical perspectives* (1st ed.). Leverkusen: Verlag Barbara Budrich.
- Ziegenhain, P., & Enkhtaivan, Kh. (2024). Democracy and authoritarianism in Egypt today. *Islamic World and Politics*, 8(1), 75–84. <https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i1.99>

Сведения об авторе:

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики, МГИМО МИД России, Москва, Россия (e-mail: sagitil@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3520-2502)

About the author:

Ilya E. Strelets — PhD in Political Science, Associate Professor of Comparative Politics Department, School of Governance and Politics, MGIMO University (e-mail: sagitil@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3520-2502)